

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.И. Лойко, г. Минск, Беларусь

Идентичность рассматривается нами как определенное содержание и структура индивидуального и общественного сознания. В этом сознании важную роль играют механизмы культурного детерминизма, которые обеспечивают преемственность социальной жизни, солидарность поколений, выполняют охранные функции по отношению к ценностям и традициям. При этом идентичность не сводится только к кумулятивной функции. В ней представлена интенция на модернизацию деятельности. Она проявляется в виде проективной миссии. Эта миссия содержательно представлена ценностями рефлексивного и пассионарного происхождения. Пассионарные компоненты впервые были изучены Л. Гумилевым. Их суть заключена в нерелексируемом интенциональном импульсе, детерминированном космической энергией [1, с. 12]. За относительно короткое время этот импульс трансформируется из совокупности разрозненных носителей в коллективное бессознательное с кумулятивной структурой архетипов. Космические, биосферные факторы дополняются цивилизационными маркерами идентичности. Они выбираются путем сравнительного анализа, что и сделал князь Владимир, отдавший предпочтение православию. В пределах древнерусского государства возникло евразийское пассионарное движение русичей-славян, которое топологически сместилось в место отдаленное от Европы, но максимально близкое для реализации межкультурного синтеза с финскими, тюркскими этносами в суперэтнос великороссов.

Сочетание пассионарной энергии с цивилизационной основой является важным условием конструктивной роли ценностей, с которыми интегрируют свои интересы форватерные нации. В Евразии, как и в Европе, подобное сочетание ключевых компонентов идентичности играет важную роль. Это более глубокая историческая основа актуализировалась в виде европейского и евразийского региональных союзов. Эта идея, как показал Л.Н.Гумилев, формировалась естественной историей региона. Ее результатом стал определенный культурно-исторический тип [1, с. 21]. Содержание этой истории формировали процессы этногенеза, совместимости различных этнических групп, в пределах конкретной природно-ландшафтной локальности. Границы Евразии определились к XIX столетию, когда великорусский суперэтнос вышел к границам других природно-ландшафтных комплексов, и прекратил движение в их направлении из-за нараставшего сопротивления этнических групп, находившихся под влиянием других культурно-исторических типов.

Эта особенность формирования евразийского региона показывает, что на фоне систематично внедрявшегося в общественное сознание

европоцентризма, работали другие механизмы. Они фиксируются понятием идентичности. Периоды политической раздробленности не тождественны распаду партикулярной структуры. Они являются лишь способом ее эволюции через динамический хаос и самоорганизацию. Даже в самые сложные периоды политической раздробленности евразийские народы сохраняли приверженность региональному культурно-историческому типу. Это позволяет малонаселенным огромным территориям демонстрировать лидерские амбиции во взаимоотношениях с другими партикулярными структурами. И именно этот приоритет всякий раз детерминирует интеграционную динамику не столько политического характера, сколько кластерного, в рамках которого решаются задачи геополитической, инновационной безопасности. Это видно на содержании разногласий между участниками евразийской интеграции. Они отсутствуют в вопросах борьбы с терроризмом, геополитическим давлением на государства евразийского региона. Разногласий нет на уровне военного сотрудничества.

Это говорит о том, что партикулярная структура имеет иерархическую структуру, представленную цивилизацией, локализованной конкретным природно-ландшафтным комплексом, культурно-историческим типом этнических контактов, а также национальным государством, призванным решать задачи нации в тех условиях, что заданы естественной историей.

Евразийская идентичность содержит важный пассионарный ресурс демографической безопасности. Его потребность назрела, судя по депопуляции государств с преимущественно славянским населением. До конца 70-х годов XX столетия в Беларуси наблюдалась устойчивая тенденция послевоенного роста населения. Произошло восстановление численности населения со времени окончания второй мировой войны. Однако уже в начале XXI века все чаще стал использоваться термин «депопуляция», отражающий динамику сокращения численности населения Беларуси по показателям смертности, рождаемости, устойчивости браков. Можно было бы эту тенденцию связать с политическими катаклизмами и потрясениями. Однако более глубокий философский анализ эволюции института семьи показывает, что одна из базовых структур гражданского общества претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные эмансипацией, феминизмом, массовым потреблением товаров и услуг, сексизмом, социальным инфантильностью. В совокупности все эти тенденции нарушили связи и солидарность поколений. В урбанизированном пространстве белорусских городов стала жить молодежь, не имеющая укорененности в этой культуре. Постоянно прибывавшая в быстро растущие послевоенные города молодежь лишалась

традиций большой семьи. Молодые люди стали жить в городах, а их родители оставались в сельской местности, в отдаленных деревнях.

Исторически сложившаяся региональная динамика в эволюции современной семьи делает эту тему ключевой для политиков, экономистов, теологов, поскольку любой механизм рационального управления институтом семьи указывает на вмешательство в ситуацию, обусловленное конкретными причинами. Нам кажется, что оба типа семьи – традиционный и современный выполняют важную информационную функцию. Тот, кто внимательно к этой информации относится, получает много тем для размышлений, конкретных действий. Мировая динамика демографической миссии семьи сопряжена с очевидной нелинейностью ее локальных проявлений. Эту тенденцию создал косвенным путем патернализм. Никто не подозревал, что механизмы социальной помощи и социальных гарантий постепенно трансформировались в патернализм. Основным его проявлением является нарушение солидарности поколений. Это значит, что нарушается равновесие между трудоспособным населением и тем, что находится на пенсионном обеспечении. Сокращение трудоспособного населения увеличивает давление на производственный сектор в виде дополнительных налогов, необходимых для пополнения пенсионных фондов. Дополнительные налоги снижают мотивацию предприятий, их конкурентоспособность. В результате патернализм превратился в серьезную региональную проблему для Европы, где наблюдается депопуляция коренных наций. Проблема заключается в том, что патернализм проник в общественное сознание. Он занял лидирующие позиции в секторе демографических ценностей. В результате он парализовал жизненные функции генетической программы солидарности поколений.

В Беларуси ситуации генетического кризиса возникали не один раз за ее историю. В основном они были связаны с последствиями региональных войн. В подобных ситуациях политические решения были связаны с хорошо продуманной миграционной политикой. В результате на территории страны появились общины евреев, татар, старообрядцев, которые улучшили демографическую и экономическую ситуацию. Вторая мировая война, и связанный с ней Холокост, подорвали результаты этой политики, но не разрушили, поскольку социальные программы в СССР не имели патерналистской основы вплоть до семидесятых годов XX века. Именно в этот период население Беларуси достигло довоенной численности. За эти годы сформировалась национальная идентичность, которая находится в постоянном сопряжении с региональной идентичностью евразийских народов. На практике ценности получили реализацию через институциональную деятельность. Ее результатом стали политические и экономические конфигурации, которые создали

устойчивое основание для конструктивной деятельности в регионе. Меркантильные, коммерческие интересы из-за доминанты ценностей не могут разрушить общие интересы, формирующие пространство евразийской идентичности. В этом убедились жители Беларуси и России на примере событий, связанных с белорусской калийной компанией.

Литература:

1. Гумилев, Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Диалог / Л.Н. Гумилев, А.М. Панченко. – Л.: Советский писатель, 1990.

ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Л.Е. Лойко, г. Минск, Беларусь

Значительная часть проблем жизнедеятельности современного общества уходит своими корнями в историю. Конкретные механизмы трансляции смыслов прошлого в настоящее фиксируются в понятиях «преемственность», «социальная память», «традиция».

Понятие преемственности в отечественной литературе проанализировано А.И. Зеленковым и представлено в двух аспектах: с точки зрения развития научного знания и применительно к сложным системным объектам. В последнем случае оно используется для отражения специфического типа связи в качественных состояниях развивающейся реальности, сущность которой состоит в кумуляции положительных признаков системы и сохранении ее способности к самоорганизации [1, с. 44]. В обществе в качестве конкретного механизма преемственности выступает историческая память. Ее содержание конституируют ценности, которые создают матричное пространство культуры.

Современная культура претерпела трансформации связанные с переоценкой ценностей, в процессе которых преемственность была подвергнута радикальному сомнению. Сторонники исторической памяти пытались восстановить статус социальных детерминант общественного сознания на основе фундаментальных исследований аксиологической проблематики.

Ценностный параметр истории как реальности актуализировали неокантианцы – представители Баденской школы В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Основное влияние на разработку их теории оказал И. Кант. Оно прослеживается в выборе критического метода и общей трактовки познания, в центр которого помещается познающий субъект, что делает устойчивым интерес не к содержанию, а к формам познания. Движение от ощущения к представлению и общему понятию не может быть простым отображением того, как есть или было на самом деле. Это есть преобразование, предполагающее упрощение действительности, а как таковое, оно требует критерия отбора, признания некоторых аксиом, с